

Кусочек печенья и глоток молока.

На этот раз — кусочек клубничного пирога со взбитыми сливками. И я не могу забыть откусить кусочек печенья.

Затем три глотка молока.

— ...

Я усердно ела десерт, а глаза Генриха, пристально наблюдавшего за мной со стороны, продолжали беспокоить меня.

Интересно ли ему смотреть на то, как я ем? Он часто смотрел на меня на собраниях.

Тем не менее, я съела с молоком все печенье, которое он приготовил, съела весь пирог и пудинг.

Затем, не в силах игнорировать его взгляд, я снова посмотрела на Генриха и спросила:

— П-почему?

Его рот уже собирался открыться, но закрылся.

Затем Генрих нахмурился. Я занервничала.

— ...Как в таком маленьком теле может столько поместиться?

Упс, кажется, я съела слишком много.

Если подумать, даже если я была очень голодна, должно быть, сошла с ума.

Не могу поверить, что я одна ем всю эту вкусную еду. Конечно, печенье ручной работы Генриха было ужасным на вкус.

Однако еды, приготовленной для одного ребенка, оказалось не так много для взрослых, поэтому единственным десертом теперь оставались шоколадный пончик в моей руке.

Кроме того, на нем остался небольшой след от укуса.

Но грязнуля лучше скупердя.

Поэтому я смело предложила пончик Генриху.

Увидев это, он посмотрел на меня.

— Ты уже поела, но тебе нужно еще?

Я покачала головой.

— Ешьте, герцог. Это вкусно, но я единственная, кто это поробовал...

— ...Ну, все в порядке, потому что я сыт.

Поблизости почему-то раздался вздох.

Некоторые из слуг схватились за грудь, другие зарылись лицом в ладони.

Было слышно, как Пейна с озабоченным лицом бормочет, прислонившись к ближайшему дереву. Она сказала что-то вроде: «Миледи — лучшая».

Сбитая с толку, я попеременно смотрела то на горничных, то на Генриха, и наконец мое внимание привлекло его выражение лица.

— ...Авель презирал меня, Камиллан отказывался подходить, а Карликс разрыдался, едва увидев меня.

Кончики его длинных прямых пальцев коснулись пончика, который я протянула.

Затем он сжал пончик и подтолкнул его вперед.

— Чем больше я ее вижу, тем она уникальнее.

После этого Генрих заулыбался.

Густые брови, которые всегда были нахмурены, смягчились.

Мои глаза расширились от удивления, и он спросил:

— Если подумать, ты...

— Да?

Я занервничала и опустила пончик, который предлагала ему.

— ...еще не получила имя?

Слабый прохладный ветер проникал сквозь теплый воздух, но даже он был подавлен силой магической границы и стал мягким и теплым.

Немного подумав, я кивнула.

Не будет ли перебором сказать, что имена, которыми меня называли при графе Семонде, были «Тупица» или «Отброс»?

Я бы предпочла не слышать их.

И тут вспомнила имя, которым служанки называют меня чаще всего.

— Пейна, Шейла и Мэри называют меня «леди».

— Ха.

Пейна вдруг резко схватилась за грудь, и было видно, как она ударилась головой о дерево.

Она иногда так делала, когда чувствовала себя подавленной, и теперь оказалось, что ей снова пришлось это сделать.

Генрих смотрел на них с неопишуемым выражением лица и был ошеломлен.

— ...Почему граф Семонд не дал тебе имени?

— Имя — это важно, поэтому он не мог дать его мне легкомысленно.

Это было хорошее оправдание, хотя именно так говорил граф Семонд, когда они давали имя Шейди.

В этой стране существовал такой обычай.

Когда нарекают, самому дорогому человеку обязательно дают самое лучшее имя, чтобы ребенок был счастлив в будущем.

Конечно, для графа Семонда было просто хлопотно давать мне имя.

Тем не менее, это ужасно, что мне не давали имени до семи лет.

Благодаря ему я до сих пор не знаю, кем являюсь.

Во-первых, младшая дочь герцога Венсгрея даже не фигурировала в моем романе.

«Может быть, меня не существовало в этой истории, потому что я только что родилась», — так я думала.

— Если у тебя его нет, я дам тебе имя, по крайней мере, до пробуждения.

Каждый ребенок в империи пробуждается почти одновременно с тем, как ему исполняется восемь лет.

Другими словами, он даст мне имя следующим летом, до моего дня рождения.

Я думала, что до этого еще далековато, и считала, что получу имя гораздо раньше. А теперь Генрих объявил, что назовет меня сам.

— С-спасибо.

Будет ложью сказать, что я не обрадовалась.

Поэтому, когда я улыбнулась, поблагодарив от всего сердца, он пристально посмотрел на меня и вскоре отвернулся.

— Доедай оставшееся. Для тебя еще кое-что припасено.

— Да!

«Ты имеешь в виду, что здесь есть еще с чем поиграть?»

Я обрадовалась и быстро начала доедать оставшийся пончик.

Но когда я закончила и опустошила чашки с соком и молоком, почувствовала сонливость.

Это потому, что воздух теплый, и мы долго играли.

Я зевнула, держа пустую чашку и потирая глаза, а Пейна, которая наблюдала за мной, шепотом спросила:

— Не хотите ли вернуться в карету, леди?

— Нет...

Я боялась, что если сейчас вернусь в карету и усну, то, открыв глаза, обнаружу, что снова оказалась в замке.

Я уже давно не была в фруктовом саду, поэтому не хотела возвращаться обратно.

Думаю, все будет хорошо, если я немного вздремну прямо здесь.

<http://tl.rulate.ru/book/49139/1677586>